

прошлого и настоящего склонны видеть в *Демоне*, в первую очередь, философскую поэму, призванную по-новому интерпретировать борьбу между добром и злом. Ибрэилян, по-видимому игнорируя эти интерпретации, но в то же время поражаясь сходством с *Лючафэром* и, с другой стороны, будучи убежденным, что *Демон* — это «сам Лермонтов», отмечает другие важные черты более обобщающего характера:

«Мне рассказал однажды крупный писатель, друг Эминеску, о замысле *Лючафэра*. Не знаю, в какой мере его рассказ правдив, но если это правда, то она свидетельствует о высоких духовных качествах нашего поэта. И вот: паж из *Лючафэра* якобы был бы лакеем, Кэтэлина — дамой из высшего света, которая отказала Эминеску (у которого с ней были чисто платонические отношения), но не отказала лакею. И что извлек из этого Эминеску!

Так же и Лермонтов — история чище, не осложняется ничем — в *Демоне*, говорят, он описал свою любовь в двоюродной сестре и собственную душу, гордую, непреклонную, всегда неудовлетворенную...»

Как было сказано выше, эта интерпретация носит более обобщенный характер, поскольку она исходит из предполагаемой констатации, что в *Демоне* трактуется из вечная романтическая тема непонятого гения... В каждом новом варианте она звучит иначе (иначе у Байрона, у Виньи, у Лермонтова, у Эминеску), но в сущности остается той же... И еще скольких поэтов она будет искушать!

И если, в случае *Демона*, новая интерпретация была подсказана Ибрэилян сравнением с *Лючафэром*, другие его высказывания, может быть более оригинальные, кажутся простыми заметками на книжных полях. Но какая тонкость! И главное, — какая точность лаконических характеристик, в которых сконцентрировано основное как в афоризмах. Примером может служить очерк о Тургеневе¹. Возвращаясь к высказываниям, изложенным в рецензии на *Вешние воды*², Ибрэилян их оттачивает с помощью исключительно точных сравнений:

«Тургенев является тонким и наблюдательным аналитиком и в то же время одним из величайших лирических поэтов.»

«... Это интеллигент, мыслитель, занятый общими идеями своего времени, и все-таки его литературное мастерство не имеет ничего общего с дискурсивно-педагогической манерой Поля Бурже.»

«Его стиль лишен трепета Доде или перенасыщенности красок или оттенков Гонкура.»

«Передовой в идеях, он все же далек от какой бы то ни было демократической необтесанности, аристократ в чувствах, он далек от стремления к исключительности подобно Вийеру де Ил-Адам; в высшей степени чувствительный к «вечной женственности», он далек от эфиминизма, как и от чувственности».

В зарубежной критической литературе, даже у французских комментаторов, трудно найти характеристики, в которых бы так точно обрисовывался художественный профиль Тургенева. И опять-таки нельзя рассматривать

¹ *Pe marginea cărților*. — *Turgheniev*, «Viața Românească», 1920, № 12, стр. 284—285.

² *Pagini alese*, том 1, стр. 221—231.